2. Общая статистика за 2017 г. [Электронный ресурс]. — 2018. — Режим доступа: http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=162163. — Дата доступа: 20.03.2018.

3. Понятие уголовного проступка как новой категории уголовного права России / Д. Ю. Корсун [Электронный ресурс]. — 2018. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ugolovnogo-prostupka-kak-novoy-kategorii-ugolovnogo-prava-rossii. — Дата доступа: 21.03.2018.

4. Балтабаев, К. Особенности Уголовного кодекса Республики Казахстан / К. Балтабаев // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 18–25.

Проблема определения природы выморочного имущества

Тиванова Ю. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. ст. преп. Кудрявец Ю. Н.

Известно, что явление «выморочность», будучи сугубо юридическим, правовым, может быть обусловлено различными правовыми основаниями — отсутствием наследников по закону, по завещанию или отказом наследников от права наследовать оставшееся после наследодателя имущество, наследники лишены права наследовать или все они отстранены от наследования, никто из наследников не принял наследства. Данные основания закреплены в понятии выморочного имущества почти во всех национальных системах [1; 312].

Гражданский кодекс Республики Беларусь дает такое определение в п. 1, ст. 1039: «Если нет наследников ни по закону, ни по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать (статья 1038), либо все они отказались от наследства, наследство признается выморочным» [2]. Государство, исходя из нашего законодательства, трактуется как субъект, к которому имущество переходит в порядке наследования.

Государство-наследник, возможно ли это и не противоречит ли самой природе наследственных отношений? Вопрос о природе выморочного имущества в доктрине является дискуссионным. Существуют две точки зрения.

Согласно первой такие исследователи, как М. С. Абраменков и П. В. Чугунов считают, что категория выморочного имущества связана с категорией наследования и является институтом, производным от общих принципов правового регулирования перехода прав на имущество одного лица к другому или множеству лиц в порядке реализации наследственных отношений. Следовательно, если идет речь о выморочном имуществе, следует говорить о *результатах* действия соответствующих норм. Это означает, что регулятивная функция и эффект таких норм уже состоялись. Вопрос перехода права собственности на него, в таком случае, должен ставиться в какой-то иной

плоскости — не в плане наследственных отношений, а в плане *природы* отношений. М. С. Абраменков и П. В. Чугунов предлагают компромиссный вариант, где искомое основание могло быть представлено в такой форме, как «переход прав на выморочное имущество к государству в порядке наследования», поскольку «в порядке наследования» — это режим, осуществляемый по правилам наследования («квазинаследование»). Стоит отметить, что в этом плане п. 2 ст. 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает наиболее точное определение перехода выморочного имущества: «Выморочное имущество переходит к Российской Федерации *в порядке наследования по закону*». Такой же концепции придерживается и белорусский законодатель и ряд других европейских стран [1; 312]. В рамках этой теории существует еще одна точка зрения, которую часто приравнивают к первой, она свидетельствует не о результате действия наследственных норм, а об истинно наследственных отношениях, то есть государство и есть законный наследник.

Противоположной точки зрения придерживается В. Л. Толстых и Г. Ф. Шершеневич и др. исследователи, а также законодатели таких стран, как Великобритания, Соединенные Штаты Америки. Согласно этой концепции, имущество не может переходить государству в порядке наследования, потому что в основе передачи наследства всегда лежат семейные и иные тесные связи между наследодателем и наследником. Природа наследования по закону состоит в учете предполагаемого намерения наследодателя. Причем это намерение наследодателя не обусловлено никакими публичными интересами. В случае, если наследников по завещанию нет, мы должны передать имущество тем лицам, которым бы наследодатель сам передал имущество. Вряд ли государство может рассматриваться как член семьи наследодателя или любое другое лицо, состоящее в тесных непубличных отношениях с наследодателем. Исходя из вышесказанного, стоит указать, что в законодательстве Великобритании, США имущество переходит к государству в качестве бесхозяйного [3; 483–484]. Такой подход в большей степени защищает права частных лиц, поскольку обязывает государство само предпринимать меры к поиску любых наследников, способных унаследовать имущество.

Несмотря на определенную логичность теории о невозможности государства быть наследником в классическом понимании, стоит уделить внимание практической значимости института перехода имущества к государству в порядке наследования. Так, при этом государство обладает ответственностью перед другими субъектами права. Государство не вправе отказаться от принятия наследства. Соответственно, оно не может отказаться и от выплаты долгов наследодателя. Резюмируя, данная позиция законодателя направлена на защиту кредиторов, когда при бесхозяйности имущества происходит обратное: государство готово получить имущество, но при этом не желает нести ни перед кем никакой ответственности.

Литература

1. Абраменков, М. С. Наследственное право : учебник для магистров / М. С. Абраменков, Л. В. Чугунов ; отв. ред. В. А. Белов. — М. : Юрайт, 2015. — 423 с.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г., № 218-З : в ред. от 20.07.2017 г. — Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. — 656 с.

3. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование / В. Л. Толстых. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 526 с.

К вопросу о международной правосубъектности индивида

Чуешов С. А., студ. II к. БГУ,
науч. рук. преп. Карканица Н. В.

Современное международное право под воздействием внешних факторов, а именно глобализации и ее последствий, выходит на принципиально новый уровень. Некоторые нормы международного права устаревают, ввиду чего по многим вопросам возникают споры, одним из которых является дискуссия по поводу определения субъектов международного права. Если ранее ими безоговорочно являлись только государства, то сегодня такой постулат вызывает сомнение.

Принципиально новым подходом к определению международной правосубъектности явилось включение индивида в список субъектов международного права, что неоднозначно было воспринято в юридической науке и привело к появлению нескольких концепций.

Российский юрист Я. С. Кожеуров считает, что, если индивид может вступать в отношения с государством, то он изначально выступает как субъект международного права [1; 152–153]. Еще один российский ученый Е. А. Шибаева придерживается точки зрения, что определение международной правосубъектности вытекает из внутригосударственного термина правосубъектности. Так как данный термин содержит меньше составляющих, чем международная правосубъектность, то, соответственно, под него попадает более широкий круг лиц, включая индивидов [2; 214].

Австрийский юрист А. Федросс придерживается точки зрения, что отдельные лица не будут субъектами международного права, так как международное право защищает интересы индивидуумов, однако наделяет правами и обязанностями не непосредственно отдельных лиц, но государства, гражданами которого они являются [3; 146]. Шведский юрист Х. Бликс считает, что субъект международного права — это любое образование, к которому